

Олег РЯБОВ

ЭТО НАШ ДВОР

Р а с с к а з

Мишка Жмуркин был старожилом во дворе — он здесь родился и планировал всю свою жизнь провести тут: нравился ему его двор.

Ушла, наверное, целая эпоха, связанная с жизнью в городских дворах, которые, безусловно, являлись надежной и устойчивой «ячейкой общества» с обязательными участковым, дворником и домкомом; по государственной значимости такая ячейка располагалась сразу после семьи. Уже написаны романы и песни про жизнь в этих дворах. Уже и дворов-то, формировавшихся одно- и двухэтажными деревянными и щитовыми домами, связанными друг с другом сараями-дровяниками, почти не осталось — все больше вырастают на огромных пригородных пространствах какие-то молчаливые мрачные «гарлемы» из холодных многоэтажек с пустующими детскими площадками и забитыми автостоянками. И общества на этих продуваемых ветром пространствах, такого общества, которое само собой организовывалось в старых городских дворах, не создашь — не получается. Раньше каждый житель прямо в майке и в домашних тапочках мог его, этот двор, обойти и окинуть взором, и это было пространство, за которое он без всяких законов или предписаний нес ответственность как за что-то свое. И за соседей, которых он всех знал и которые все его знали, он тоже нес ответственность. И это была коллективная ответственность, благодаря которой создается общество.

Двор Мишки Жмуркина выглядел как засаженный деревьями и кустами, с клумбами и обихоженными дорожками участок внутри каре из четырех четырехэтажных зданий. Дома эти назывались «домами специалистов», и строились они в центре города в тридцатые годы для врачей, инженеров и профессоров. Квартиры были в них большие, трех- и четырехкомнатные, с ванными, центральным отоплением и прочими буржуазными излишествами. Даже котельная для этих домов была поставлена отдельная, в виде небольшого кирпичного пристроя.

Во время страшной, безумной войны миллионам беженцев из сожженных и разоренных городов и сел Украины, Белоруссии,

Смоленщины, с других временно оккупированных немцами территорий, эвакуированным из блокадного Ленинграда пришлось искать себе новое пристанище в тылу страны. Строились на скорую руку бараки-временки с земляными полами и вечно дымищими печками-буржуйками. И стал привычным термин «уплотнение»: приходил в квартиру домком и объявлял, что надо освободить одну комнату для эвакуированных. Люди безропотно шли навстречу вынужденным переселенцам: у них самих кто-то не вернулся с фронта и никогда уже не вернется. Такое время было.

После войны, когда почти все квартиры в «домах специалистов» из-за уплотнения стали коммуналками, все в жизни двора поменялось. Если раньше тут обитала пусть и не очень однородная, но сознающая свою значимость городская элита, то теперь можно было смело разделять жителей на «своих» и «приехавших». И приехавшие, как правило, не только в социальном плане, но и в материальном оказывались много ниже старожилов двора. Хотя трудное послевоенное время объединяло людей и быстро зализывало эти различия: «сорок восемь — половину просим!»* стало девизом тех лет.

Надо не забывать про важный элемент городского довоенного быта: когда возводились «дома специалистов», обязательным приложением к жилым постройкам были сараи. Это были уже не дровяники, однако погреба для различных домашних заготовок вроде квашеной капусты, соленых огурцов и грибов в них обязательно имелись, да и предметы для сезонного отдыха, такие как лыжи и велосипеды, хранились тоже там. Сараи в Мишкином дворе были поставлены очень хитро: чуть в стороне, так, что их почти не было видно за пышными кустами сирени и они не царапали взгляд.

Прошло и двадцать, и тридцать послевоенных лет, и мало кто уже вспоминал, что это место — «дома специалистов» со скрывающимся за ними зеленым, заросшим сиренью и акациями двором — было легендарным в Горьком и проживали тут когда-то и маршал Конев, и сестра Андрея Жданова, и много других известных личностей.

Отец Жмуркина был большим городским и областным начальником, и его регулярно, раз в два-три года, переводили на новое место службы, и всегда с повышением. Поговаривали, что его ждет уже место в Москве, чего Мишка очень боялся — не хотелось ему переезжать в Москву. Хотя злой Вадик Костылин в школе как-то раз крикнул Мишке, предварительно высунув язык: «Твоего отца все равно посадят!» За это Жмуркин позвал Вадика в школьный туалет, там ударил его крепко кулаком в ухо и еще раз — под дых, а Костылин только снова показал ему язык и что-то промышчал.

— Мало ты ему врезал, — заметил присутствовавший при том Илья Криворотов, новый Мишкин одноклассник, — можно я ему добавлю? Очень уж он мне не нравится.

* Детское присловье: человека, который ест, просят поделиться едой.

— Не надо, — ответил Криворотову Жмуркин, — я вечером сам ему еще добавлю. Я знаю, где он живет — в Холодном переулке. Схожу!

— Тогда я с тобой тоже схожу.

— Пойдем, — ответил Мишка.

Он уже понял, что Илья Криворотов еще и его сосед по двору: видел, как пару дней назад привозили на машине вещи новые жильцы. Они заселялись в бывшую квартиру одного полковника, которого, по словам соседей, переводили служить куда-то на Север. Видел Мишка в тот раз и этого Илью, но не успел с ним познакомиться. А тут — сама судьба ему в помощь.

Только если судьба и помогла друзьям поближе познакомиться, то вовсе не так, как они планировали.

В тот же день, вечером уже, но вполне еще засветло, Михаил возвращался к себе домой из сарая с авоськой картошки. Пять мешков только что привезли из деревни на грузовике, чтобы на всю зиму хватило, и разместили в сарае, хотя в подпол еще и не спустили, а мама попросила принести на пробу; хотя чего ее, эту картошку, пробовать — каждый год только лысковскую покупают. Выйдя из-за угла дома и направляясь к своему подъезду, увидел Жмуркин, что его новый сосед Илья взят в «коробочку» прямо посреди двора, то есть окружен четырьмя взрослыми ребятами, настроенными ну очень даже невежливо; взрослыми — значит, лет по пятнадцать-шестнадцать, а это уже не двенадцать, как Мишке с Ильей. И больше во дворе никого!

С этими четырьмя чужими пацанами был еще и Вадик Костылин, тот самый Мишкин одноклассник, с которым он разбирался утром в школьном туалете. Вадик, видимо, и привел всю эту шпану для выяснения отношений. В следующую минуту должно было все начаться. Михаил понял еще, что пришли эти ребята конкретно к нему, а встретили Илью случайно.

Слабину давать было нельзя — это Михаил знал. Он уверенно и очень быстро, скорее даже торопливо, подошел — почти подбежал — к компании.

— А вот и я! Вы не меня тут искали? Мне мама сказала, что приходили товарищи из комсомольской организации, просили какие-то бумаги подписать. Говорили ей, что меня на ударную комсомольскую стройку срочно отправляют. Зря вы ее так напугали, плачет она.

— Тебя, тебя мы искали, — ядовито кривя улыбку, закивал головой Костылин.

— Ой, Вадик, а поддержи, пожалуйста, — прикинулся дурачком Жмуркин и сунул в руку Костылину авоську с картошкой.

— А зачем я ее буду держать? — опомнился Костылин и бросил картошку на землю.

— Не бросай, я сейчас заберу ее у тебя. Подожди минутку, я сбегаю в сарай за топором.

— За каким еще топором?

— Подожди минутку — сейчас все увидишь. Только ничего тут не делайте без меня, — погрозил непонятно кому пальцем Мишка и с озабоченным видом бросился к себе в сарай, откуда почти моментально возвратился, но уже неторопливым шагом и улыбаясь. В руках он держал наган, самый настоящий боевой наган, такой, какой все нормальные люди только в кинофильмах про Гражданскую войну видят. Он нес его перед собой уважительно и осторожно, как взрослые мужики несут полную кружку пива.

— Вот, ребята: топор я не нашел, но нашел кое-что получше, — произнес Жмуркин, поднял руку вверх и нажал на спусковой крючок.

Выстрел прозвучал не очень громко, будто в лесу толстая сухая ветка сломалась, но подействовал на присутствующих совершенно неожиданным образом: двое пацанов бросились бежать со двора, двое с маху сели на ближайшую скамеечку, раскрыв рты, а Костылин стал спешно собирать рассыпавшуюся картошку назад в авоську.

— Спасибо, Вадик, тебе, спасибо, я сам соберу, — произнес Мишка чуть дрожащим голосом: он, видимо, и сам не ожидал такого эффекта от выстрела. — Ты забирай давай своих хулиганов и больше к нам во двор их не приводи. Это наш двор. А главное — не бойся, я тебя бить завтра не буду. Я тебя просто застрелю в следующий раз, как врага. Понял?

Вадик Костылин и двое его приятелей, которые пришли в себя, второго приглашения не стали дожидаться, а быстренько смотались со двора.

— Вот, последний патрон пришлось на тебя, Илюха, израсходовать. Неправильно сформулировал — не на тебя, а ради тебя, — с сожалением покачивая головой, признался Жмуркин и протянул оружие округлившему глаза Илье.

Илья взял в руки наган.

— Откуда у тебя такая штукавина?

— Это деда моего, он был командиром армейского Смерша во время войны. Это наградное оружие, у него где-то и удостоверение было. Дед тут с нами вместе жил, он умер год назад, а я успел наган в сарай спрятать — от греха подальше и чтобы не реквизировали. Я помню, он с этим наганом на охоту ездил, если на кабана или на медведя, — говорил, что это самое надежное боевое оружие. Наган — он надежнее и «вальтера», и «макарова»: осечек не бывает.

— А если кто-то из этих ребят проболтается?

— Во-первых, они все перебздели так, что болтать не будут. А во-вторых, у меня там, в сарае, есть и поджиг, очень даже приличный самопал. Скажу, что всё всем показалось, а стрелял я из поджига, чтобы просто пошуметь. Там чего, с поджигом, — серы со спичек наскоблил, и вся премудрость.

Во «двор специалистов» Костылин больше не заходил, а в школе и с Жмуркиным, и с Криворотовым здоровался издали.